

Сергей Безыменный

ТРАГИЗМ И ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ

«Грусть от того, что не видно добра
в добре». (Н. Гоголь)

Сергей Безыменный

**Трагизм и парадоксальность
бытия. «Грусть от того,
что не видно добра
в добре». (Н. Гоголь)**

«Издательские решения»

Безыменный С.

Трагизм и парадоксальность бытия. «Грусть от того, что не видно добра в добре». (Н. Гоголь) / С. Безыменный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906737-1

Чем старше мы становимся, тем глубже пытаемся всеми силами нашего духа и сознания проникнуть в мучающие нас проблемы. Очевидно, что цель этой книги не столько в разрешении этих проблем, сколько в обостренной их постановке перед христианским сознанием. Сознывая себя вращающимся в сфере проблематического в христианстве, необходимо допускать различные мнения, требующие творческих усилий мысли.

ISBN 978-5-44-906737-1

© Безыменный С.
© Издательские решения

Содержание

Выражение признательности	6
Введение	7
Часть 1	8
Глава 1. Нравственное познание как посвящение в тайну бытия	8
1. Суть философского познания	9
2. Противопоставление субъекта и объекта в познании	11
3. Нравственный опыт – основа философии духа	14
4. Различение добра и зла в этике	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Трагизм и парадоксальность бытия «Грусть от того, что не видно добра в добре». (Н. Гоголь)

Сергей Безыменный

© Сергей Безыменный, 2018

ISBN 978-5-4490-6737-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражение признательности

Несомненно, что книги лучшие всего пишутся в общине. Я глубоко благодарен реабилитантам по ул. Карьерной 44, гор. Киева, тем, кто встречался на моем жизненном пути, где я служил директором центра по воле Божьей на протяжении ряда лет. Тем, кого общество считало потерянными для этой жизни. Воистину, «кому много прощено, тот больше любит». Все они наполняли содержанием идеи этой книги. Благодаря учению Э. Уомака о благодати, философским трудам Н. Бердяева, трудам мистиков, таких как Я. Беме, трудам классиков литературы Достоевского, Гоголя, я впервые увидел значение и необходимость пробуждения личности в жизни каждого человека, любви к Богу и милосердия к последней твари на Земле. В течение многих лет я считаю Бердяева, этого замечательного философа, своим наставником в этой области, хотя он и жил в другой эпохе. В 1922 году Н. Бердяев был выслан за границу, где его заслуги были по-настоящему оценены. В 1947 г. Кембриджский университет присвоил Бердяеву звание доктора теологии. Хотя сам он никогда не считал себя теологом, а религиозным философом. Его жизнь является воплощением принципов этой книги. Я хочу особенно поблагодарить свою жену, Ирину, с которой судьба соединила меня на склоне лет, которая в течение ряда лет помогает мне и поддерживает меня во всем, и так, что слова не могут этого выразить. Не будь ее рядом, я не написал бы этой книги. С любовью и теплотой выражаю благодарность поместной церкви «Воскресение Христово» и ее пастору Денису, всем братьям и сестрам во Христе.

Когда я пересматривал «Трагизм...» я был просто поражен, насколько слабо слова выражают мысль. В лучшем случае они являются разорванными свидетелями Божьей истины. Действительно, говоря словами Ап. Павла, мы видим все «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно»... И еще больше я поражен тем фактом, что Бог может взять в Свои руки нечто такое несовершенное, глупое, как эти слова на бумаге, и использовать их для изменения жизни людей, которые обязательно будут меняться, я в это верю. Как это происходит, я не знаю. Это чудо милости, и если вы найдете на этих страницах то, что послужит вашей жизни, это не от меня. Единому Богу слава!

Сергей Безыменный, Комсомольск на Амуре, 2018г

Введение

Философия, которую я попытался выразить в книге, есть трагизм судьбы существования во времени переходящего в вечность, времени, направленного к концу, который не является смертью, но полным преображением. И потому, все должно рассматриваться с точки зрения философии истории. Сама же философия истории может быть только профетической*, разгадывающей тайны будущего. И, конечно же, философия и, особенно метафизика* не являются отражением объективных реальностей, а внутренним изменением человеческого существования, обнаружением его смысла. Так как мир представляется человеку иным в зависимости от того чем он занят, хозяйственным трудом, политической борьбой, художественным творчеством или религиозным созерцанием, следовательно, и человек начинает что-нибудь понимать лишь тогда, когда его мысли проникаются чувствами и приходит в движение все его существо. То, что мы называем бытием, не может определяться только какой-то идеей или мыслью, но целостным субъектом, то есть чувством и волей, а также, всей его направленностью. Поэтому, истина творится в субъекте, она не дается объективно извне. А мир представляется нам иным, в зависимости от того, молоды мы или стары, радостны или печальны, верующие или скептики и т. п. Из этого следует, что истина это акт свободы, она создается. Очевидно, что Бог открывается только для единственного, для личности. То есть, Он присутствует только в субъективности. Объективная истина является смертью существования.

Я искренне верю в существование религиозного опыта, который невозможно отрицать, и который, конечно же, обогащает и просветляет философию. Однако, это предполагает иное отношение между философией и религией, чем его обычно понимают. Итак, настоящая философия стремится к конкретному, она враждебна абстрактному. И диалектика этой книги будет не логической, а жизненной, экзистенциальной*. А для основной мысли характерна эсхатологическая* направленность. Из книги будет ясно, что это будет значить.

Часть 1

Этика – учение об обретении и торжестве смысла существования

*«Теперь мы видим (как бы) сквозь тусклое стекло, гадательно,
тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю,
подобно, как я познан»
(1-е послание Ап. Павла коринфской церкви)*

Глава 1. Нравственное познание как посвящение в тайну бытия

1. Суть философского познания

Со временем, человек потерял доступ к бытию и начал с горя познавать познание. Так как он потерял силу познавать бытие, то на всем познавательном пути человека продолжает стоять познание, а не бытие. Совершенно очевидно, что к бытию нельзя прийти, из него можно только изойти. Сколько бы познание не противопоставало себя жизни и не сомневалось в возможности ее познавать, оно само порождено жизнью и отражает ее судьбы. Это есть опыт жизни, который невозможно бесследно зачеркнуть, и который может быть только изжит и преодолен более полным опытом, в который предшествующий опыт обязательно войдет. Если мы поднимемся до духовного понимания познания, то нам станет ясно, что познание это акт, через который с самим бытием что-то происходит, а именно – его просветление. Не кто-то или что-то познает бытие как противостоящий ему предмет, а само бытие познает себя и через познание просветляется и возрастает. Противостоит познанию как объект лишь то бытие, которое познанием до этого препарировано и рационализировано. И когда познающий не принимает всерьез своего познания для него перестает существовать мир сущих идей и остается только мир идей о сущем, то есть, нет уже Бога, но существуют разнообразные идеи о Боге, которые он исследует, нет уже сущего добра и зла, но остаются лишь идеи о добре и зле и т. п. Однако сама первожизнь не может противостоять познающему, ибо он в нее изначально погружен.

Судьба философского познания трагична. Философии вечно угрожает рабство, то со стороны науки, то со стороны религии и ей весьма трудно отстоять свой собственный путь. Конечно же, и наука и религия могут внутренне оплодотворять философское познание, но они не должны делаться для него внешним авторитетом. Если философ верит в религиозное откровение, то он не может не питаться им в своем философском познании.

Религиозное откровение имманентно* философскому познанию, как внутренний свет. А настоящая философия человечна, в ней всегда есть элемент человеческой свободы, однако философия это не откровение, а свободная реакция человека на откровение. Если философ христианин и верит в Христа, то он совсем не должен согласовывать свою философию с теологией православной, католической или протестантской, но он может приобрести «ум Христов», что сделает его философию иной, чем философия человека, который ума Христова не имеет. И, конечно же, откровение не может навязать философии никаких идеологических построений, но может дать ей опыт, обогащающий познание. Таким образом, философия может быть только свободной и не терпит принуждения. В каждом своем акте познания она свободно стоит перед истиной и не терпит никаких преград и ограничений. В основании философского познания лежит опыт жизни духа. Поэтому, такое познание является посвящением в тайну бытия, в мистерию* жизни. Оно есть свет, блеснувший из бытия и в бытии. Совершенно очевидно, что познание не может из себя, из своего понятия создать бытие. А религиозное откровение означает, что бытие открывает себя познающему.

Итак, философия это особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с ними. Трагедия философского познания в том, что освободившись от более высокой сферы бытия, от религии, от откровения, философия попадает в еще большую тяжкую зависимость от сферы низшей, от положительной науки и научного опыта. Никто не отрицает, что философия должна считаться с развитием наук и должна учитывать их результаты. Но из этого не следует, что она должна подчиняться наукам и уподобляться им в своих высших созерцаниях. Для философии мир раскрывается иначе, чем для науки и мир познания ее совсем иной.

Философия также это любовь к мудрости, и раскрытие ее в человеке является творческим прорывом к смыслу бытия. Следовательно, философия не является ни теологией, ни наукой, она есть она сама, и живет и дышит свободным движением. И, конечно же, настоящая

философия только та, в основании которой лежит духовный и нравственный опыт, и которая не является игрой ума. Интуитивные прозрения даются только философу, который познает целостным духом.

Главный признак, отличающий философское познание от научного, нужно видеть в том, что философия познает бытие из человека и через него, и в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от него. Поэтому для философии бытие есть дух, а для науки бытие есть природа. И потому, философская антропология* является центральной частью философии духа. Основным же признаком философии духа тот, что в ней нет объекта познания. Познавать из человека и в человеке означает не объективировать (по Бердяеву*). И тогда открывается смысл. Все, что есть для меня предмет, лишено смысла. Смысл лишь в том, что во мне и со мной, то есть в духовном мире. И потому, освобождение философии от всякого антропологизма* это ее умерщвление. Так как бытие раскрывается только в человеке и через него, то человеку принадлежит примат* над бытием, понятию объективно, и только тогда раскрывается дух. Бытие, которое не есть дух является тиранией натурализма*. Такая философия делается отвлеченной и теряет связь с источниками жизни. Сам же человек погружен в первожизнь и ему даны откровения о мистерии первожизни. Только в этой глубине философия соприкасается с религией внутренне и свободно.

Однако познание бытия в человеке и из человека ничего общего не имеет с психологизмом, который наоборот есть замкнутость в природном, объективированном мире. Речь идет не о психологизме, а о трансцендентальном* антропологизме. Так, как трансцендентальный человек (по Бердяеву), то есть, внутренний человек, является предпосылкой философии, то преодоление человека в философии значит упразднение самого философского познания. Очевидно, что человек бытийствен, в нем бытие и он в бытии, но и бытие человечесно, и потому только в нем я могу раскрыть смысл, соизмеримый с моим постижением. Смысл же вещей открывается не вхождением их в человека, при его пассивной установке к ним, а его творческой активностью, прорывающейся к смыслу бытия за мир бессмыслицы. И это ясно, так как в предметном, вещном, объектном мире смысла нет. Смысл раскрывается из активности человека и означает открытие человекоподобности бытия. Внечеловеческое идеальное бытие бессмысленно. А это значит, что смысл открывается в духе, не в предмете, не в вещи, не в природе, только в духе бытие человечесно. Таким образом, если познание происходит с бытием, то в нем активно обнаруживается смысл, то есть, просветление тьмы бытия. Итак, философское познание это сама духовная жизнь, которая происходит с тем, что познается.

2. Противопоставление субъекта и объекта в познании

Сознание человека предполагает отношения субъекта и объекта. Но само противопоставление субъекта и объекта уничтожает бытие. В объективировании умирает всякая жизнь и бытие исчезает. Рациональное познание это объективирование, но в объективировании цель познания не достигается, в этом его трагедия, которую многие философы отлично сознавали и формулировали так: бытие иррационально и индивидуально, познаю же я всегда рациональное и общее. Таким образом, объект оказывается совершенно чуждым субъекту и противоположным ему. Они находятся в состоянии логической коррелятивности*, то есть, друг без друга не существуют и вечно противоположаются и противопоставляются. Именно объективирование будет уничтожением смысла, так как к смыслу нужно приобщиться.

Таким образом, основной вопрос познания это вопрос об отношении между трансцендентальным сознанием и человеком, живой и конкретной человеческой личностью. Однако, остается совсем непонятным как трансцендентальное сознание овладевает психологическим сознанием, и наоборот, как психологическое сознание возвышается до трансцендентального.

Итак, основной, изначальной проблемой философии является проблема человека и его познания, его свободы и его творчества. Именно в человеке скрыта загадка бытия и загадка познания. Человек и есть то самое загадочное существо из мира необъяснимое и невероятное, через которое только и возможен прорыв к самому бытию. Человек сам является носителем смысла, несмотря на то, что он и падшее существо, в котором смысл поруган. Однако, падение возможно лишь с высоты, и потому, падение человека является знаком его высоты и величия. И даже в падении человек сохраняет печать своего высокого положения, оставляя за собой возможность высшей жизни, возможность познания, возвышающегося над бессмыслицей мира. Как уже было отмечено, антропологизм не преодолим в философии и человек не устраним из познания, но он должен быть повышен в своем качестве, от человека физического и психического до человека духовного. Я-познающий – изначально пребываю в бытии и составляю его неотъемлемую часть. Только бытие в состоянии познавать бытие. И если бы философское познание не было уже бытием, то доступ к нему был бы ему закрыт. Познание в бытии является внутренним событием и изменением бытия. Оно есть внутренний свет в бытии. И потому такое познание имеет космогонический* характер. Когда философ ищет интуиции, то он ищет познания, которое есть проникновение в глубину бытия, и приобщение к нему. То есть, философское познание это духовная активность в бытии. Объективирование же в познании означает отчуждение между познающим и познаваемым и ведет к тому, что как первый, так и последний перестают быть «чем-то», и становятся «о чем то». То-есть, познающий субъект, которому противостоит бытие, как объект всегда изъят из бытия. И потому, невозможно поставить в глубине вопрос о его онтологической* реальности и ценности. При историческом или психологическом исследовании идей совершенно исчезает вопрос о том, реален ли мир, который эта идея выражает.

Итак, основной вопрос познания вовсе не является познанием идей о Боге, а познание Самого Бога, то есть познание в духе и самого духа. В науках естественных объективирование не убивает предмета познания, ибо природа – предмет естественных наук – есть продукт объективации. Познание же самого духа, а не человеческих мыслей и душевных состояний не может быть объективированием. В познании духа, которое и есть философия, должно быть внутреннее родство познающего со своим предметом, должно быть признание реальности духа, должен быть творческий духовный опыт. Познание истины есть приобщение к истине и жизнь в ней. Познание духа есть «что то», а не «о чем то». Но так как сознание предполагает отношение субъекта и объекта., философское познание, преодолевающее объективацию и относительность, корнями своими погружено в бессознательное и восходит к сверхсознанию. Этике же

принадлежит очень важное, и даже, центральное место в познании духа. И вот познание этическое менее всего может быть объективированием, познанием о чуждом, противостоящем мне предмете. Ибо при такой установке совершенно исчезает та нравственная реальность, которую я хочу познать.

Совершенно очевидно, что невозможно установить ценность как предмет познания, если не произвести оценки, то есть не совершить творческого духовного акта. Теоретический и практический разум в этом нераздельны, познание ценности неотделимо от оценки, от жизни в мире ценностей. И, конечно же, нравственная жизнь совсем не является явлением природы, и она неуловима, как явление природы. Нравственная жизнь всегда предполагает свободу, нравственная оценка всегда стоит перед свободой, которая не может быть только в познаваемом, но и в познающем., как основа бытия. Самый этический предмет раскрывается лишь тому, кто производит оценивающие творческие акты. Тайна же познания заключается в том, что познающий в акте познания возвышается над предметом познания и творчески овладевает им. Это следует уже из того, что познание должно изливать свет, распространять его в бытии и над бытием. Поэтому в познании бытие возрастает. А познание этическое неизбежно стремится к нравственному улучшению бытия. Это значит, что познающий должен иметь нравственный опыт и через него добывать себе свет. С такой теорией познания связан глубокий трагизм познания. Потому что, познание Бога нам трудно и в известном смысле даже невозможно, так как оно неизбежно должно прийти к методу апофатическому* и обнаружить тщетность метода катафатического*. Бог не может быть предметом познания, потому что человек в акте познания не может возвыситься над Ним. Нельзя пролить свет на Бога, можно только получать свет от Него. В познании этическом мы не только впускаем в себя и отражаем этическую правду, мы неизбежно и создаем ее, творим мир ценностей. Бога же мы не можем создавать, мы можем только к нему приобщиться, можем служить ему своим творческим деянием, отвечать на его призыв.

Таким образом, познание это великое дерзновение. Это всегда победа над древним, изначальным страхом. Страх делает невозможным искание истины и познание ее. И потому, познание это бесстрашие. Кто испытывает страх перед традиционными нравственными понятиями и оценками, всегда имеющими общественный источник, тот не способен к этическому познанию, которое является нравственным творчеством. Итак, победа над страхом есть духовный познавательный акт. Это не значит, конечно, что опыт страха психологически не переживается. Прохождение через опыт страха может быть очень глубоким. Но творческое достижение познания это победа над страхом.

Этика также не является кодификацией* традиционных нравственных норм и оценок. Этика это дерзновение в творческих оценках. И еще необходимо сказать о познании, что оно горько и что на эту горечь нужно согласиться. Кто любит лишь сладкое, не может познавать. Познание может давать минуты радости и высочайшего подъема, но плоды его горьки. Познание человека в нашем мировом эоне* это уже изгнание из рая, утеря райской жизни. И особенно горько познание этическое, познание добра и зла. Но горечь лежит также в самом бытии, в его падении. И этим нисколько не подрывается ценность самого познания. Но для определения характера этического познания нужно сказать, что само различение добра и зла есть самое горькое различение в мире. Достоевский говорил, что «это чертово добро и зло нам слишком дорого стоят».

Таким образом, познание это бесстрашие, победа над страхом. И познание горько и является согласием на горечь. «Потому, что «во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь», (библейская кн. Екклесиаста). Из всех родов познания, этическое познание есть наиболее бесстрашное и наиболее горькое, ибо в нем раскрывается ценность и смысл жизни и в нем же разворачивается грех и зло. Есть смертельная печаль в самом различении добра и зла, ценного и лишенного ценности. И нельзя успокаиваться на том, что это раз-

личение последнее. Тоска по Богу в человеческой душе как раз и есть тоска от возможности остаться навеки с различием добра и зла, со смертельной горечью оценки. Центральное значение этики в философском понимании связано с тем, что она имеет дело с грехом, с возникновением добра и зла, с возникновением различия и оценки. Но различение и оценка имеют универсальное значение. И этика шире той сферы, которую ей обычно отводят. Таким образом, этика это учение о различении, оценке и смысле, то есть, к ней, в сущности, относится весь мир, в котором совершается различение, делается оценка и ищется смысл.

3. Нравственный опыт – основа философии духа

Несомненно, что в основании этики лежит нравственный опыт. Более того, в основании философии лежит нравственный опыт. Диалектика, за которой нет никакого нравственного опыта, лишена ценности и является умственной игрой. Этика не может быть только познавательной философской дисциплиной, она является также нравственно-духовным актом. И она была такой у Платона*, у Спинозы*, у Фихте* и др. философов. Этика это познание, безусловно, имеющее нравственно освобождающее значение. Она является завершающей частью философии духа, в которой пожинаются плоды философского пути жизни.

Этика христианская нередко отождествляется с сотериологией*, с учением о путях спасения. Но этика не может быть только сотериологией, она есть также учение о творческих ценностях и творческой энергии человека. Человек это не только существо спасающееся, но он и существо творящее. Нормативная же этика всегда тиранична. И потому, учение о жизни, ее смысле, целях и ценностях это неизбежное учение о человеке. Поэтому этика должна быть не только теоретической, но и практической, то есть, призывать к нравственному преобразованию жизни, не только к усвоению ценностей, но и к переоценке ценностей. А это значит, что в этике есть неизбежно профетический элемент. Этика должна раскрывать чистую совесть, незамутненную социальной обыденностью. Итак, этика есть аксиология*, учение о смысле и ценностях. Но смысл и ценность не даны пассивно-объективно, они творятся. Учение же о ценностях должно быть отнесено к верховной ценности. Верховная же ценность должна быть силой и излучать благодатную преобразующую энергию. И, конечно же, этика имеет дело не с бессильными, висящими в воздухе нормами и законами, а с реальными нравственными энергиями и с обладающими силой качествами. Она объемлет все, что связано со свободой человека, то есть, из свободы производимой различием и оценкой. Так, свободный нравственный акт может совершаться не только относительно так называемой нравственной жизни, но и относительно всей жизни человека. Нравственный же акт, который совершается относительно всей жизни, всех ее ценностей, связан с полнотой духовной жизни человека. Поэтому этика есть познание духа, а не познание природы, ей принадлежит лишь то, что связано с духовной свободой, а не с природной необходимостью. Пути же познания мира духовного иные, чем пути познания мира природного. Поэтому, этика не может не быть профетической. И, что самое важное, этика не может не быть личной.

4. Различение добра и зла в этике

И, конечно же, основным вопросом этики является вопрос о критерии добра и зла, о происхождении морали в возникновении различения и оценки. Этот вопрос невероятно более глубокий: «Откуда само различие, и может ли быть критерием различения добро, когда оно возникло после различения?» Совершенно очевидно, что высшая ценность лежит по другую сторону добра и зла. Этика обычно находится целиком по эту сторону добра и зла, и добро для нее не проблематично. Парадоксальность проблемы тут в том, что «добро» подвергается сомнению, есть ли «добро» добром, и не есть ли оно зло? Это гениально выражено словами Н. Гоголя*: «Грусть от того, что не видишь добра в добре» (из записной книжки, 1843г.).

По другую сторону добра и зла не должно быть никакого «добра» и никакого «зла». Мы получим более глубокий и существенный результат, когда поймем, что наши оценки по критерию добра и зла носят не бытийственный, но символический характер. «Добро» и «зло», «высокое» и «низкое», «нравственное» и «безнравственное» не выражают реального бытия, это лишь символы. Однако, глубина жизни совсем не «добрая» и не «злая», она лишь обозначается так по категориям нашего мира. Мир же не есть бытие, но состояние бытия, в котором оно отчуждается от себя и все символизируется. Пространственные символы «верха» и «низа», «высокого» и «низкого» могут выражать абсолютные истины нравственного и духовного порядка. И в нашем падшем мире принимает формы различения то, что в бытии не является различием. Там нет «высокого» и «низкого», но в символе «высоты» что то угадывается в бытии.

И только в чистой духовности и мистике преодолевается символика, и мы погружаемся в первожизнь. Наша этика символична, символичны и все ее различения и оценки. И проблема в том, как от символов перейти к реальностям. Все, что по эту сторону «добра» и «зла», символично. Реалистично лишь то, что по другую сторону «добра» и «зла». Однако, символика «добра» и «зла» не условна и не случайна, она говорит о бытии, отраженном в мировом зеркале, но гадательно. Как гениально выразил свою мысль Апостол Павел, поставленную в эпиграф: «Теперь мы видим (как бы) сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно, как я познан» (1Кор.13:12).

Далее, сам факт нравственной жизни, с ее различениями и оценками, предполагает свободу. И потому, этика это философия свободы. Школьное традиционное учение о свободе воли, совсем не является учением о свободе, и глубины ее не видит. Это учение было создано, для того, чтобы найти виновника, чтобы было на кого возложить ответственность и оправдать наказание, как в жизни временной, так и вечной. Учение о свободе воли было приспособлено для нормативной, законнической этики. То есть, человек будет или оправдан, если он избрал добро и исполнил норму, или осужден, если избрал зло, и норму не исполнил. В восстании Лютера* против оправдания добрыми делами, связанными со свободой воли, была большая глубина. Парадокс в том, что так называемая свобода воли может быть источником порабощения человека, неизбежностью избрать то, что ему навязано под страхом ответственности. И, поэтому, человек оказывается наименее свободным в том, что связано с его «свободой воли». Но ведь свобода человека может быть понята не только как оправдание человека добродетелями, вытекающими из его свободной воли, но и как творческая сила человека, как создание ценностей. Вместе с тем, к сожалению, свобода может вести человека и путем зла.

Таким образом, свобода носит не морально юридический и педагогический характер, а характер трагический. Свобода есть основное условие нравственной жизни, не только свобода добра, но и свобода зла. Без нее нет нравственной жизни. Это делает нравственную жизнь трагической, а этику – философией трагедии. Этика законническая, для которой свобода есть условие выполнения нормы добра, не понимает трагизма нравственной жизни. Итак, трагическое есть основное нравственное явление и основная категория этики. Именно трагическое

ведет в глубину и высоту, по другую сторону добра и зла. И этика должна исследовать явление «трагического», вытекающее из свободы. Кроме трагического, этика имеет дело и с парадоксальным. Вся нравственная жизнь состоит из парадоксов, в которых добро и зло переплетаются и переходят друг в друга. Эти нравственные парадоксы непреодолимы в сознании, они должны быть изжиты. И потому, трагичность, и парадоксальность этики связана с тем, что основной ее вопрос не вопрос о добре, а вопрос об отношениях между свободой Бога и свободой человека.

Несомненно, что этика не только связана с социологией*, но и подавлена ею. Так как моральные идеи имеют общественное происхождение и развиваются по социальным законам, определяющимся обществом. В падшем, греховном мире царит, принуждающая человека социальная обыденность. Поистине, общество играет огромную роль в нравственном сознании. И потому, огромная и трудная задача философской этики и заключается в различении духовных и социальных элементов нравственной жизни. Это, как раз, и есть задача раскрытия чистой совести. Следовательно, этическую проблему необходимо освободить от социального террора. Роль социальности в нравственной жизни так велика, что люди принимают за явление нравственного порядка то, что есть лишь явление порядка социального, социальные нравы и обычаи. Но в глубине своей нравственное не зависит от социального. Чисто нравственный феномен не зависит от общества или зависит от него лишь в той мере, в какой само общество есть нравственный феномен. Нравственная жизнь вкоренена в духовном мире, и она лишь проецируется в жизни общества. И потому, социальность не может быть верховной ценностью и конечной целью человеческой жизни. Задача философской этики заключается не в познании происхождения и развития нравственных идей о добре и зле, а в познании самого добра и зла. Конечно же, человек это социальное существо, но он также и существо духовное. Он принадлежит двум мирам. Однако познать сущее добро человек может лишь как существо духовное. Как существо социальное человек может познавать лишь меняющиеся понятия о добре. Так, человек может производить оценки, видеть истину, красоту лишь как существо, возвышающееся над потоком природно-исторической и душевной жизни. Это, конечно же, не значит, что этика не должна быть социальна, но значит, что должно быть этическое обоснование социального, а не наоборот.

Этика, конечно же, не может зависеть и от биологии, которая наряду с социологией выражает философские претензии. Биологическая философия жизни пытается установить критерий добра и зла, основать оценки на принципе максимума «жизни». «Жизнь» есть высшее благо и верховная ценность, «добро» есть все, что доводит «жизнь» до максимума, «зло» есть все, что умаляет «жизнь» и ведет к смерти и небытию. Преизбыточная жизнь есть благо и ценность, даже если она несет страдание, а не счастье, если она порождает трагедию. Бесспорно, что добро есть жизнь и что конечная цель – полнота жизни. Но беда в том, что «жизнь» это неподходящий критерий оценки, вследствие своего всеобъемлющего и многозначного характера. Все есть жизнь, даже смерть есть явление жизни. А в самой жизни необходимо делать качественные различия и устанавливать оценки. Что абсолютно невозможно – на основании критерия максимума жизни, ибо он является категорией количественной, а не качественной. И здесь мы попадаем в порочный круг: Есть жизнь высокая и низкая, прекрасная и уродливая, как сделать правильные различия и оценки? Совершенно ясно, что биологический критерий максимума жизни не годен, как критерий этический. Чтобы быть благом и ценностью, жизнь должна иметь смысл. Жизнь может возвышаться не вследствие ее количественного прироста, а вследствие подъема ее к тому, что выше ее, что есть сверхжизнь. Это приводит нас к тому, что кроме биологического понимания жизни есть духовное понимание ее, что всегда предполагает не только человеческую, но и божественную жизнь. Не просто жизнь, а духовная жизнь, жизнь, поднимающаяся к Богу, не количество жизни, а качество ее – вот, что есть высшее благо и ценность. К тому же, духовная жизнь совсем не противоположна жизни душевной и телесной и совсем не отрицает ее, а означает вступление их в иной план бытия, приобретение ими

высшей качественности, движение к другим высотам, к тому, что есть сверхжизнь, сверхбытие и сверхбожество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.